

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (Ветхий Завет)¹

В наши дни, когда заходит речь о достоинствах и недостатках Синодального перевода, одной из основных мишеней для критики являются текстологические принципы создателей русского перевода Ветхого Завета. Одни утверждают, что переводчики слишком много внимания уделили Масоретскому тексту, принадлежащему чуждой для христиан традиции, другие, напротив, стремятся исключить из Синодального перевода все вставки из Септуагинты, считая еврейский текст Ветхого Завета единственным достойным подлинником. В данной статье мы попробуем рассмотреть, каким образом оказались в Синодальном переводе смешанными элементы из Масоретского текста (МТ) и из Септуагинты (LXX), насколько оправдано такое смешение и возможно ли "очистить" от него Синодальный перевод (как это делалось во многих протестантских изданиях).

Синодальный перевод создавался в ту эпоху, когда библейская текстология еще только зарождалась. Для переводчиков Западной Европы вопрос о выборе оригинального текста для создания новых национальных переводов со времен Реформации практически никогда не стоял. Они полагали, что современная еврейская Библия (МТ) и есть тот самый текст, который Иисус и апостолы называли «Писанием», и поэтому безусловный приоритет отдавался, за редчайшими исключениями, МТ, а LXX, наряду с другими древними переводами, использовалась лишь для разъяснения неясных или испорченных мест МТ, а также (в католической традиции) для перевода книг и отрывков книг, для которых не существует еврейского текста.

Точно на таких же принципах основывался и вышедший практически одновременно с Синодальным русский перевод Пятикнижия (Лондон, 1860 г.), строго придерживавшийся МТ. Как мы видим, такой подход вполне мог быть воплощен в русской языковой среде, но только не в пределах России, где традиция отдавала предпочтение LXX. Начиная со Свв. Кирилла и Мефодия, православный славянский мир оригинал Библии видел прежде всего в греческом тексте, хотя никак нельзя сказать, что он ограничивался исключительно им. Так, при подготовке Геннадиевой Библии 1499 г. за недостатком греческих и славянских текстов были использованы еврейский и латинский.

Из ветхозаветных книг первой была переведена на русский язык Псалтирь. Перевод, изданный Российским библейским обществом в 1821-22 гг.², был выполнен с еврейского оригинала – вполне в духе того времени. Правда, в текст эпизодически включались чтения, взятые из МТ и из LXX. Чем руководствовались переводчики в каждом конкретном случае, судить трудно. Вероятно, общие принципы просто не были к тому времени выработаны.

Впрочем, время для теоретического осмысления проблем перевода настало очень скоро, т.к. в 1824 г. всякая практическая деятельность по переводу Библии была официально прекращена. Естественно, что кабинетная работа все же продолжалась, и в 1848 году, то есть задолго до того, как Святейший синод одобрил дело перевода на русский язык, теоретическое обоснование текстологических принципов перевода изложил в докладной записке Синоду Святитель Филарет (Дроздов). Отдавая пальму первенства

¹ В основу данной статьи положен текст доклада на международной конференции «Русские переводы Священного Писания» (июнь 1996 г., Москва).

² Подробно излагает эту историю И.А.Чистович в своей книге «История перевода Библии на русский язык» (С-Петербург, 1899; репринтное переиздание – Москва, 1997 г.).

МТ, он говорит «о догматическом достоинстве и охранительном употреблении» LXX и дочернего ей славянского перевода³. По его мнению, они могут представлять библейский оригинал наряду с МТ, особенно при рассмотрении догматически значимых разночтений. Однако стоит отметить, что докладная записка «оправдывает» употребление LXX и славянского перевода, считая употребление еврейского текста делом само собой разумеющимся.

Существовала и более радикальная точка зрения. Протоиерей Г.П.Павский – переводчик, внесший, пожалуй, самый значительный вклад в первоначальную подготовку ветхозаветной части будущего Синодального перевода – использовал исключительно МТ. Эта установка была принципиальной: Павский был неплохо знаком с тогдашней библеистикой и разделял распространенное тогда мнение, что LXX является просто переводом с МТ, и что все расхождения между ними объясняются прежде всего погрешностями перевода и позднейшей порчей рукописей. Вместе с тем надо отметить, что Павский (опять-таки следуя практике некоторых ученых того времени) стремился и МТ очистить от позднейших искажений.

Так, иногда в первых версиях Павского порядок глав и стихов принят не традиционный, а «хронологический», то есть произвольно реконструированный исследователем на основе тех или иных предпосылок и просто догадок. Характерно, что провозглашение одного текстового варианта единственным Текстом с большой буквы часто сопровождается очевидным насилием над ним, причем и то, и другое делается от имени современной науки.

Другой переводчик середины прошлого века, архимандрит Макарий Глухарев, также переводил исключительно с МТ, но при этом высказывал пожелание, чтобы параллельно с переводом МТ был осуществлен и перевод LXX. В России эта идея так и осталась невостребованной. Осуществляется она в последние годы во Франции, где издается отдельными книгами перевод LXX под названием *La Bible d'Alexandrie* (по аналогии с известным изданием *La Bible de Jérusalem*).

В 1861-1870 гг. в журнале “Христианское чтение” публиковался перевод Павского, откорректированный и дополненный по LXX, но весьма непоследовательно. Местами, как сообщает Чистович, при его редактировании использовались и другие переводы: сирийский, арабский, “халдейский” (надо полагать, арамейские таргумы), а также Вульгата. В разных книгах неодинаковы были и принципы перевода, четких правил не существовало. Менее всего верность МТ была, по мнению Чистовича, соблюдена в книгах Иова, Притчей, Песни Песней и Екклесиаста (их переводили Д.А.Хвольсон и П.И.Савваитов).

Созданию собственно Синодального перевода предшествовало тщательное рассмотрение теоретических обоснований перевода, в том числе и в отношении текстологии. Был принят состав и расположение книг, соответствующие православной традиции, т. е. LXX и славянскому переводу. Внутри книг также сохранено прежние деление на главы и стихи (наиболее заметно расхождение между МТ и LXX в Псалтири).

В отношении выбора текста для перевода восторжествовало мнение Святителя Филарета: для канонических книг Ветхого Завета за основу берется МТ, а LXX используется для уточнения, дополнения и иногда – в качестве оригинального текста даже там, где МТ в исправлении и дополнении не нуждается. Текст славянского перевода принимался в качестве дополнительного свидетельства о LXX, то есть там, где он расходился с использовавшимся греческим текстом (как отмечает Чистович, в основном это было Лейпцигское издание 1697 г.). Эпизодически использовались и другие древние переводы. Что касается книг, не вошедших в иудейский канон и не сохранившихся на

³ Митрополит Филарет (Дроздов). О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания // Журнал Московской Патриархии, 1992, № 11-12, сс. 37-46.

еврейском языке (или написанных с самого начала не по-еврейски), их, естественно, пришлось переводить с LXX или даже Вульгаты (как 3-ю книгу Ездры).

Интересно рассмотреть, какие аргументы выдвигались в пользу МТ и в пользу LXX, и насколько эти аргументы убедительны сегодня.

В пользу МТ говорилось следующее:

– *МТ является оригинальным текстом Ветхого Завета.* Современная библейская текстология уже не видит в единственном сохранившемся еврейском тексте оригинал Ветхого Завета. Отношения между МТ и LXX рассматриваются наиболее авторитетными текстологами как отношения между двумя самостоятельными текстовыми типами, которые восходят к одному оригиналу, но не могут с ним отождествляться. Едва ли мы можем сегодня сказать, какой именно из двух текстов ближе к этому неизвестному оригиналу, но ни у кого не возникает сомнений, что изначально Ветхий Завет был написан по-древнееврейски (с небольшими добавлениями на арамейском). Кроме того, МТ гораздо удобнее для перевода по той причине, что расхождения между различными масоретскими рукописями минимальны, тогда как LXX представляет удивительное разнообразие рукописных вариантов. Если бы было принято решение переводить Ветхий Завет с текста LXX, то в основу такого перевода, как хорошо видно на примере Нового Завета, могли бы быть положены сильно отличающиеся друг от друга варианты греческого текста.

– *LXX иногда просто непонятна без МТ.* Это безусловно так, если не забывать, что LXX – всего лишь перевод, а не оригинальный текст. Впрочем, иногда и МТ не может быть правильно понят без привлечения LXX и других древних переводов. Этот довод говорит не столько о преимуществах МТ перед LXX, сколько о необходимости привлекать для перевода все доступные варианты текста.

– *Отцы Церкви пользовались еврейским текстом, когда он был им доступен.* Действительно, приверженность Отцов Церкви именно греческому тексту Библии объясняется прежде всего тем, что они сами писали по-гречески, а знание еврейского языка оставалось в те века уделом избранных знатоков⁴. В тех редких случаях, когда еврейский текст был им знаком и давал дополнительный материал для размышлений, они действительно не избегали его. Впрочем, достаточно трудно строить выводы о преимуществе того или иного варианта текста на основании святоотеческих цитат: отношение к цитированию полтора тысячелетия назад было совершенно иным, и нередки случаи, когда раннехристианские авторы приводили Библию по памяти или даже пересказывали близко к тексту, так что в рамках одного и того же произведения одно и то же место из Писания могло воспроизводиться с существенными вариациями.

– *Нельзя подавать повод думать, что LXX существенно отличается от МТ.* Если бы перевод был сделан с LXX, некоторые из читателей могли бы сказать, что от них скрывают подлинный библейский текст. Это, безусловно, чисто политический довод, но нельзя отказать ему в убедительности.

В пользу LXX приводились следующие соображения:

– *LXX есть текст, принятый Церковью.* Действительно, под Библией в восточнохристианском мире всегда понимали по преимуществу Библию греческую. Греческий текст вошел в литургическую практику и не может быть просто заменен каким-то другим вариантом в связи с успешным завершением нового переводческого проекта. Тем не менее, Православная Церковь никогда не высказывала официального определения, согласно которому только греческий текст провозглашался бы авторитетным. На практике, как уже было сказано, еврейский и даже латинский текст свободно применялись там, где ощущался недостаток в греческих рукописях. Можно сказать, что Библия православного мира – это по преимуществу, но не исключительно греческая Библия.

– *МТ чужд нашей религиозной и национальной традиции.* Этот аргумент продолжает предшествующий, и, как и предшествующий, он верен лишь отчасти. МТ исторически

⁴ О роли МТ в православной традиции см. М.Константину. ??? // «Страницы», 1998, № ???.

принадлежит иудаизму, но христианство никогда не отвергало его и не провозглашало чуждым для себя.

– Согласно некоторым древним свидетельствам, иудеи подвергли еврейский текст намеренной порче, чтобы опровергнуть христианские догматы. Этот довод уже давно был отвергнут как недоказанный и нелепый. Действительно, ничто не свидетельствует о злонамеренной или хотя бы невольной порче МТ иудеями, а та степень почтительности, с которой иудейские книжники относились даже к малейшим деталям внешнего оформления текста, никак не позволяет обвинять их в произвольном подлоге. Но верно другое: ко времени фиксации МТ (конец I – начало II в. н. э.) и LXX (IV в. н. э., так называемая Лукиановская редакция) христиане и иудеи уже вполне четко сознавали вероучительные расхождения между ними и при выборе того или иного текстового варианта вполне могли проверять его на предмет соответствия собственной догматике. Вероятно, именно так возникло знаменитое расхождение в 7-й главе Исаяи, стих 14, где МТ говорит «молодая (עלמה) во чреве примет», а LXX – «Дева (παρθένος) во чреве примет». Было бы неверно говорить, что здесь иудеи или христиане вписали в текст слово, которого в нем не существовало, чтобы только использовать этот стих в полемике против другой стороны. Скорее можно сказать, что оба варианта возникли еще задолго до Рождества Христова, а каждая из традиций приняла именно тот вариант, который был созвучен ее вероучению. Нельзя забывать и о том, что новозаветные авторы использовали ветхозаветные цитаты достаточно вольно, заботясь не столько о буквальном совпадении ветхозаветного пророчества и новозаветных событий, сколько об их внутренней связи (см., например, Мф 2:23, где смешиваются созвучные, но совершенно разные понятия «назорей» и «назарянин», житель Назарета).

Итак, создатели Синодального перевода использовали по преимуществу МТ, но позволяли себе отступления от него там, где его значение было неясно или там, где традиционная христианская интерпретация опиралась не на МТ, а на LXX. Кроме того, переводчики стремились восполнить по Септуагинте отрывки текста, отсутствовавшие в Масоретском тексте. Тем не менее, их выбор был в достаточной степени произвольным – иногда за основу брался греческий текст даже там, где и Масоретский представлял вполне вразумительное чтение, и чем обусловлен был их выбор, понять уже невозможно.

Для разъяснения трудных мест Масоретского текста переводчики прибегали преимущественно к греческому тексту. Можно найти и такие места, в которых синодальный перевод следует славянскому тексту (Сл). К сожалению, мы не знаем абсолютно достоверно, какие именно тексты LXX использовались наряду с Лейпцигским изданием 1697 года. Поэтому трудно быть уверенным, что в том или ином месте переводчики следовали именно Сл, а не еще одному варианту LXX. Впрочем, по мнению Святого Филарета, Сл не представляет из себя чего-то совершенно отдельного от LXX, а скорее служит дополнительным свидетельством об утраченных вариантах LXX.

Могли использоваться и другие древние переводы, но сегодня точно неизвестно, насколько регулярно они принимались во внимание и какими принципами руководствовались создатели Синодального перевода при выборе конкретных вариантов. Подробное знакомство с текстами наводит на мысль, что единых принципов не было и что каждый переводчик действовал в основном по собственному разумению.

Рассмотрим теперь на конкретных примерах, как именно сочетались различные источники. Мною был сплошь сверен с МТ текст первых десяти глав 1-й книги Царств. Выбор был в значительной степени случайным, и все-таки он кажется достаточно представительным: в книгах Царств существуют заметные расхождения между МТ и LXX, но они не настолько огромны, как в некоторых пророческих книгах или Эсфири; создатели Синодального перевода допускали в книгах Царств меньше отступлений, чем в книгах Премудрости. Следовательно, в этой части Синодальный перевод не представляет

особых текстологических проблем и данная картина может считаться типичной для всего ветхозаветного корпуса.

Вставки из LXX, как известно, отмечались в Синодальном переводе скобками. Тем не менее, на материале этих десяти глав можно найти несколько десятков случаев, когда отступления от МТ или его своеобразная интерпретация не отмечалась никакими особыми значками, да и невозможно было бы отметить все подобные места. Здесь я приведу только наиболее интересные примеры.

В некоторых местах отклонения от МТ в пользу LXX и Сл незначительны и практически не влияют на смысл того или иного высказывания:

9:24 и взял повар *плечо* (часть жертвенного животного) – так Сл; в МТ и LXX речь идет о бедре (окороке).

10:3 придешь к *дубраве* – так Сл; МТ и LXX говорят о единичном дереве.

6:7,10 возьмите *первородивших* коров ... и взяли *первородивших* коров – так LXX. По МТ невозможно заключить, что коровы родили именно в первый раз, речь идет просто о недавно отелившихся коровах.

Встречаются и более существенные отклонения. Некоторые из них касаются имен собственных:

6:18 до *большого камня*, на котором поставили ковчег Господень – так в LXX. МТ вместо «большого камня» приводит загадочное имя собственное «Авель Гедола» или «Большая Авель», нигде более в Библии не встречающееся. Очевидно, что здесь расхождение возникло еще между прототипом LXX и прототипом МТ (אבן גדלה – אבל גדלה), причем Синодальный перевод следует более вразумительному чтению LXX.

В 5:10 говорится о городе *Аскалоне* и *аскалонитянах*. Именно так называется город в LXX, но в МТ речь идет о городе Экрон (עקרן), который в 6:16 назван в Синодальном переводе Аккароном. Отметим, что это не единственный случай, когда одно и то же название еврейского текста получает несколько вариантов перевода в русском, что, конечно, никак нельзя отнести к достоинствам перевода.

Нередко переводчики контаминировали два текста, и в результате перевод отражал частично масоретскую, а частично – греческую традицию.

2:28 не дал ли Я дому отца твоего *от всех* огнем сожигаемых жертв сынов Израилевых? – в переводе сделана контаминация: МТ «дал ... все ... жертвы» (речь идет не о пропитании, а об исключительном праве священства совершать все жертвоприношения – см. предыдущий стих); LXX и Сл – «дал ... от всех ... жертв в пищу». Таким образом, по сравнению с МТ в переводе добавился только один маленький предлог «от», но совершенно изменился смысл высказывания.

2:20 да даст тебе Господь детей от жены сей *вместо данного, которого ты отдал Господу* – перевод этого трудного для понимания места сделан скорее по Сл. Существующие варианты:

МТ – вместо испрошенного, которого он испросил у Господа;

LXX – вместо того нужного, что ты пожертвовал Господу;

Сл – за дар, который ты даровал Господу.

2:24 молва, которую я слышу; *вы развращаете* народ Господень – подобно в LXX и Сл, с добавлением выражения «чтобы народ не служил Богу». МТ скорее всего следует истолковать «молва, которую распространяет народ Господень»⁵. Здесь Синодальный перевод вновь близок МТ по форме, но по смыслу следует скорее LXX и Сл.

Можно найти и такие места, где Синодальный перевод следует Пешитто (сирийскому переводу) и арамейским таргумам в противовес МТ, LXX и Сл. Конечно, не исключено, что подтверждение сирийско-арамейскому варианту было найдено в неких греческих или славянских рукописях, но впрочем, это маловероятно. Кроме того,

⁵ так в современных западных переводах, например, New Revised Standard Version, New International Version и т.д.

создатели перевода могли опираться не на сирийский или арамейский текст как таковой, а на справочную литературу, принявшую именно это чтение. К сожалению, мы не знаем точно, какие именно книги лежали у них на столе.

9:1 Был некто из сынов Вениамина, имя его Кис, сын Авиила, сына Церона, сына Бехорафа, сына Афия, сына некоего вениамитянина – так в Пешитто и таргумах; текст МТ, LXX и Сл – «сына мужа Иеминеова (упуту ууа)» – довольно загадочен. Написание упуту иногда употреблялось для обозначения племени Вениамина – ср. 1 Цар 9:21, Пс 7:1, Суд 3:15 и др. Против отождествления начертания упуту ууа с племенем Вениамина в данном месте говорит тот факт, что племя Вениамина уже упомянуто в этом стихе и нет никакой необходимости называть его еще раз, к тому же в такой необычной форме. Либо текст здесь испорчен, либо речь идет о неизвестном нам по другим источникам роде – ср. упуту, иначе огласованное обозначение рода из племени Симеона в Числ 26:12.

Можно обнаружить и такие случаи, где мы не найдем никаких вариантов текста, которые соответствовали бы Синодальному переводу. Трудно утверждать со стопроцентной уверенностью, что таких вариантов не существует, но, судя по всему, переводчики иногда исправляли текст по собственному разумению. Прежде всего, это касается тех мест, которые могли (или будто бы могли) дать повод к богословски некорректным толкованиям.

4:8 (слова филистимлян) Кто избавит нас от руки *этого сильного Бога? Это – тот Бог, который* поразил египтян ... – судя по Синодальному переводу, язычники-филистимляне вполне разделяли представление израильтян о Едином Боге, Который вступает в личные отношения с избранным народом. Но и МТ, и LXX, и Сл говорят не о Боге, а о богах – филистимляне, таким образом, имеют в виду некие мистические силы, присутствие которых во враждебном лагере представляет для них угрозу. Все слова еврейского текста, согласованные с אֱלֹהִים, стоят во множественном числе, что однозначно должно быть понято как указание на «божеств» во множественном числе. Слово אֱלֹהִים, согласованное со множественным числом имен и глаголов, употребляется в МТ для обозначения духов или языческих божеств (см., например, 1 Цар 28:13), тогда как при согласовании с единственным числом оно обозначает Единого Бога. Переводчики LXX и Сл, как правило, отражали эту разницу; создатели Синодального перевода иногда стремились «избавиться от лишнего язычества». Данное место должно было смутить их тем более, что здесь речь идет о Боге Израиля – но в конце концов, нет ничего странного или неблагочестивого в том, что язычники говорили о Нем точно так же, как и о собственных божествах, на то они и язычники.

Итак, мы видим, что помимо отмеченных скобками вставок из LXX есть немало маленьких заимствований, контаминаций и реинтерпретаций МТ под влиянием LXX и Сл, которые никак не отмечались, да и едва ли могли быть отмечены. В результате «освобождение» Синодального перевода от вставок из Септуагинты становится практически невозможным.

Мы можем задаться вопросом, насколько оправдана была такая практика и стоит ли ей подражать создателям новых русских переводов. Мне представляется, что данный подход, основанный на библейской текстологии середины прошлого века, для того времени был вполне плодотворным и оправданным. К его несомненным достоинствам можно отнести осознание того факта, что у нас нет Текста с большой буквы, единственно достойного источника, и что библейский перевод неизбежно требует работы с разными текстовыми вариантами, постоянного выбора того или иного чтения. К его недостаткам можно отнести то, что в результате возникает текст, который не тождествен ни Масоретскому тексту, ни Септуагинте, ни славянскому переводу. Возникает химерический тип текста, которого никогда прежде не существовало.

Для сегодняшнего уровня развития науки стремление контаминировать различные текстовые типы в поисках «самого правильного» чтения вряд ли будет осмысленным.

Гораздо разумнее было бы допустить существование различных переводов, основанных на различных текстах: Масоретском, Септуагинте (в византийской редакции или в вариантах Александрийского, Ватиканского и Синайского кодексов), а в перспективе – и на славянских переводах. Можно представить себе издание, где переводы, основанные на разных текстологических источниках, расположены в виде параллельных колонок, как располагаются сегодня варианты разных кодексов в некоторых частях Септуагинты в издании Ральфа. Безусловно, такое издание может быть предпринято только в отдаленном будущем, и его осуществление в значительной степени зависит от текстологических исследований Септуагинты и славянского перевода.

А в ближайшем будущем мы, создавая новые переводы ветхозаветных книг на русский язык, можем с благодарностью перенять у создателей Синодального перевода их ощущение многовариантности библейского текста, их стремление использовать различные текстологические источники, и вместе с тем мы должны избежать соблазна сочетать по произвольному выбору разрозненные элементы, создавая искусственный химерообразный текст.